

ЗВЕЗДЫ “МЛЕЧНОГО ПУТИ”

ЦИАНИД ПО-ТУРЕЦКИ

**Антология
детектива**

**Иерусалим
2011**

ЦИАНИД ПО-ТУРЕЦКИ **Антология детектива**

Редактор О. Бэйс

Серийное оформление Б. Брайнин

Верстка А. Песков

Технический редактор О. Лайн

Корректор Р. Бескина

Издательство «Млечный Путь»,

7/2, Ротшильд, Кфар-Саба,

No. 306278326, 06.08.2007

© «Млечный Путь»

© Изя Шлосберг, рисунок обложки

Все права защищены

ISBN 978-965-7546-05-5

Даниэль КЛУГЕР

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН ИЛИ СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ?

Заметки о классическом детективе

Появление этого сборника дало хороший повод порассуждать о том, что такое детектив вообще, чем отличается классический детектив от неклассического и, пожалуй, самое главное: не устарел ли это жанр, не стал ли он литературным анахронизмом.

Прежде всего – небольшой экскурс в историю. Детектив – один из немногих литературных жанров, имеющих точную и общепринятую дату рождения: 1841 год. Именно в 1841 году увидел свет рассказ Эдгара По «Убийства на улице Морг», считающийся первым детективным произведением мировой литературы. Правда, в 1819 году из-под пера немецкого романиста Эрнеста Теодора Амадея Гофмана вышла новелла «Мадемузель Скюдери», имеющая все признаки детектива. Причем признаки, во многом возрожденные и развитые нынешними историческими триллерами. Но так уж сложилось в мировом литературоведении – считать именно Эдгара По родоначальником жанра, и мы не будем спорить с этим устоявшимся мнением. Тем более, и это весьма важно в нашем случае, именно Эдгар По создал образ сыщика и метод раскрытия преступлений, на котором зиждется именно та раз-

новидность современного детектива, которую принято определять как «классический детектив» (в отличие от полицейского, политического, шпионского и некоторых других).

В то же время произведения «отцов-основателей» (Э.Т.А. Гофмана, Э. А. По, У. Коллинза, А. Конан Дойла и т.д.) еще не определили окончательного канона, который получил свое воплощение и развитие в «золотой век детектива» – как называют критики период 20-х – 30-х годов XX века. Канон определился такими писателями и теоретиками жанра, как Г. Честертон, С. С. Ван Дайн, Эрл Биггерс, Рекс Стаут, Эрл Гарднер, Раймонд Чандлер, Микки Спиллейн и многие другие. Объем данной статьи не позволяет подробно писать о творчестве каждого из них. Но именно их романы и рассказы (а в некоторых случаях, статьи и эссе) сформировали структуру классического детективного произведения: сыщик – гениальный одиночка. Метод же раскрытия преступления в этих произведениях четче и лаконичнее всего сформулировал Х. Борхес: «В основе детектива лежит тайна, раскрываемая работой ума, умственным усилием». Иными словами – преступление можно раскрыть исключительно интеллектуальным путем, не прибегая ни к технологическим новинкам, ни к криминалистическим анализам, ни к агентурной работе. В этом смысле образцом классического детектива следует считать рассказы Честертона о патере Брауне. Но, в той или иной степени, к этому идеалу (идеальному детективу) близки и персонажи прочих писателей, упомянутых выше.

Можно сделать вывод, что детектив, в первую очередь, характеризуется особенностями образа героя: это одиночка, обладающий уникальными, гениальными способностями к анализу. Его уникальность из того же ряда, что и уникальность героя волшебной сказки. Да он, собственно говоря, и есть сказочный герой, Иван-царевич, притворяющийся реальным и даже скучноватым современником читателя и действующий в тридевятом царстве, лишь маскирующимся под

соседнюю улицу. Ибо детектив, на самом деле, чрезвычайно родственен волшебной сказке.

Когда мы говорим о характерном для классического детектива герое-одиночке, это вовсе не означает, что он непременно должен быть сыщиком-дилетантом, любителем, непрофессионалом. Вовсе нет: почти все герои детективов «золотого века» именно профессионалы. Перри Мэйсон – действующий адвокат, Эркюль Пуаро – бывший полицейский, Майк Хаммер – тоже; и вряд ли безымянного оперативника из первых романов и рассказов Дэшилла Хэммета можно назвать дилетантом потому лишь, что он работает не в полиции, а в частном детективном бюро «Континенталь» (прообразом которого послужило всемирно известное агентство Пинкerton'a). Инспектор Морс из романов Колина Декстера и инспектор Барнаби из книг Кэролайн Грин (оба сериала экранизированы британским телевидением) – действующие полицейские. В то же время, эти романы несомненно относятся не к полицейским историям (куда по формальным признакам они как будто просятся), а к тому жанру, который мы разбираем. Почему? Прежде всего, поскольку полицейский роман не подпадает под определение Борхеса: в нем преступления раскрываются, в основном, с помощью агентурной работы, наличия осведомителей, участия полицейских разных специализаций, криминалистических экспертиз, и так далее, и тому подобного. Иными словами, полицейский роман демонстрирует читателю работу по раскрытию преступлений во всей ее сложности, ближе всего подходя к реальной картине. Полицейский роман, в первую очередь, роман производственный. Герои детектива, в принципе, не нуждаются в технологических подпорках для разоблачения преступника. И, поскольку инспектор Барнаби из Мидсоммера интересуется отпечатками пальцев не больше, чем Эркюль Пуаро, мы и ставим его в один ряд с тщеславным бельгийцем, а не с Глебом Жегло-

вым или Стивеном Кореллой. Другой тип образа и другие функции этот образ выполняет. Оружие сыщика из классических детективов – наблюдательность, аналитические способности и жизненный опыт. Оружие сыщика из полицейского детектива – система правоохранительных и судебных органов, новейшие технологические новинки, лаборатории, полицейские архивы, корпус агентов-осведомителей. Эта разница, кстати, одна из причин, по которым героя классического детектива легко можно поместить в фантастическую среду (например, на космическую станцию, как это сделали чешские писатели Брабанец и Веселы) или в минувшую эпоху (скажем, в Древний Египет, как поступила Агата Кристи). Герой полицейского романа окажется в подобных обстоятельствах совершенно беспомощным. Но не потому, что он – полицейский по профессии, а потому, что, в отличие от сыщика «классического», не является одиночкой. Данная особенность не достоинство и не недостаток – таковы черты двух похожих, но, по сути своей, разных жанров.

После всего, изложенного выше, может показаться, что классический детектив однообразен, его сюжеты повторяются, а характеры схематичны. Однако так может показаться лишь на первый взгляд. На самом деле, строгость формы, заданность конструкции лишь способствуют проявлению литературной изощренности, изобретательности автора. Тем более что оригинальность сюжетного хода в классическом детективе – категория эстетическая, являющаяся частью жанрового канона. Внутреннее разнообразие при формальной жесткости можно считать одной из отличительных черт классического детектива.

Нет, канон ничуть не мешает ни разнообразию места и времени действия, ни индивидуализации и психологической глубины образов. И говорить о монотонности классического детектива так же нелепо, как говорить о монотонности сонета.

Подтверждением тому – все новые и новые образцы этого, ничуть не устаревшего жанра, выходящие на всех языках и во всех уголках мира. Будем надеяться, что и произведения, вошедшие в сборник «Цианид по-турецки», не разочаруют любителей классического детектива.

Леонид ШИФМАН

ПУРИМШПИЛЬ

Пролог

Она лежала на спине, чуть приподняв левый бок и немного запрокинув голову. Черная маска слегка съехала, открыв моему взору верхнюю часть правой щеки, отмеченную большой родинкой. Я обратила внимание на нос удивительно тонкой работы и волевой подбородок. Бархатный бурый капюшон с пришитыми медвежьими ушами выпустил наружу небрежную прядку черных волос.

Из груди девушки вырывались, как стало ясно через несколько секунд, предсмертные хрипы. Губы ее еле заметно шевелились. Она пыталась что-то сказать, но сквозь грохот музыки, доносящейся из-за моей спины, мне почти ничего не удалось понять. Лишь одно слово я скорее разобрала по движению губ, чем явственно рассыпала. Я ничем не могла помочь ей.

Крови и орудия убийства мне не было видно. Смертельный удар девушка получила в спину.

– Это слишком банальное начало для повести, Николь, – беззапелляционно заявил Генри. – Читатель еще не успел вордрузить на нос очки, а вы уже предъявляете ему труп.